

Смерти в Венеции

Русская драма в люксембургском павильоне

Коммерсантъ, — 2005. — 18 авг. — с. 13

биеннале проект

На нынешней Венецианской биеннале современного искусства русские присутствовали не только в качестве авторов, но и в качестве персонажей некоторых арт-проектов, а именно фильма Антуана Прюма *Mondo veneziano*, демонстрировавшегося в павильоне Люксембурга. О том, какую роль отвел русским в мире искусства люксембургский режиссер, задумалась ИРИНА КУЛИК.

Павильон Люксембурга — один из негласных хитов нынешней биеннале. Ему не присудили никаких призов, но международные арт-тусовщики советуют друг другу обязательно посмотреть «киношку», предлагающую анализ актуального арт-мира в виде кровавого триллера. Действующие лица получасового фильма — четыре почти аллегорические фигуры из мира современного искусства: Теоретик, Куратор, Живописец и Перформансист — адепт модной в последнее десятилетие «эстетики взаимоотношений».

Своих героев Антуан Прюм собирает, разумеется, в Венеции, но снимает ее в декорации, возведенной на киностудии Люксембурга для съемок фильма «Тайный проход» боснийского режиссера Адемира Кеновича, в этих же декорациях появлялся Аль Пачино в роли Шейлока из «Венецианского купца». А потом дождавшиеся сноса павильоны достались Антуану Прюму. Столь же комиксно-нарочитыми выглядят и гуляющие по бутафорским мостам и площадям герои — надменная Кураторша, Перформансист, одетый в молодежные оранжевые шмотки, суровый Живописец в рокерской косухе и Теоретик в застегнутом на все пуговицы темном костюме. Все они сжимают в руках пухлые сценарии, по которым зачитывают свои реплики, надерганные из искусствоведческих текстов последнего времени. Обстоятельные дискуссии то и дело перебиваются сценами убийств, которые герои совершают, не изменяя своим художественным принципам. Живописец засаживает молоток в глаз Теоретика и картинно размазывает его кровь по стеклу. Перформансист изысканно разделяет Кураторшу в роскошном ресторане — вполне в духе акция-трапез основателя «эстетики взаимоотношений» Рикрита Тиравания. Кураторша с ружьем преследует на ночных ве-

Убить Живописца — мечта каждого Куратора, считает режиссер Антуан Прюм

нецианских улицах Перформансиста. А Теоретик эффектно распинает Живописца на воротах.

Из четырех персонажей люксембургского автора только двое обладают явной национальностью. Живописец, несмотря на свою несколько азиатскую внешность, — немец: среди его реплик есть и цитаты из немецкого художника Нео Рауха, зачитанные на языке оригинала. А вот Теоретик, хоть и говорит на английском, но с ярко выраженным русским акцентом, убийство совершает под музыку Сергея Прокофьева к кинофильму «Иван Грозный» и изъясняется цитатами из Виктора Мизяно, и, как всякий русский, то и дело пускается в рассуждения о России. В гиньольном контексте фильма особенно проникновенно звучат слова о типично русской мазохистской убежденности в том, что мы должны страдать, чтобы иметь право что-либо сказать. А потерянный черныш костюм и очечки придают ему сходство не столько со старорежимным русским интеллигентом, сколько с советским аппаратчиком. Если бы фильм Антуана Прюма был настоящим триллером, где убийца — один, то главным кандидатом на роль маньяка был бы именно он. У остальных все же есть более или менее логические, вычисляемые и оттого сценарно

неинтересные поводы для убийства. Допустим, Живописец негодует, что не вошел в теоретическую моду и утратил популярность, Кураторша ревнует Перформансиста, узурпировавшего ее функции, а Перформансисту опостылел диктат Кураторов. Но Теоретик, как настоящий маньяк, убивает из чистой любви к идее. Забавно, что западный художник по-прежнему делает русским именно Теоретика. Ведь цитирует же он, скажем, и героя московской арт-сцены 90-х Александра Бренера, акциониста, и взаправду разбиравшегося с теоретиками и кураторами при помощи кулаков.

Конечно, от люксембургского фильма можно отмахнуться как от ничего не значащего капустника — но *Mondo veneziano* все же куда тоньше. Кровавые убийства вовсе не зловещая изнанка арт-мира, представленного выморочными разглагольствованиями по бумажке в столь же выморочной бутафорской Венеции. Скорее, это упрек арт-сообществу, которое на словах куда радикальнее, чем в деле. После каждой очередной кровавой разборки Куратор, Теоретик, Живописец и Перформансист как ни в чем ни бывало продолжают свои разговоры и, даже заглянув за пределы павильона, послушно возвращаются на бутафорские улицы.